

Олег Копытов

Россия далеко от Москвы

Сборник статей

Олег Копытов

**Россия далеко от Москвы.
Сборник статей**

«Издательские решения»

Копытов О.

Россия далеко от Москвы. Сборник статей / О. Копытов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834285-1

В сборник вошли статьи — в основном из региональных «толстых» журналов, в которых так или иначе звучит тезис о том, что Россия — это не только (и столько!) Москва. Россия далеко от Москвы — это вселенная, неразгаданная тайна.

ISBN 978-5-44-834285-1

© Копытов О.
© Издательские решения

Содержание

Россия далеко от Москвы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Россия далеко от Москвы

Сборник статей

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2016

ISBN 978-5-4483-4285-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Россия далеко от Москвы

Еще в 1930-х годах, на заре самой молодой ветви русской литературы – дальневосточной, последняя заявляла о желании самостоятельности: *«Мы в Москву не ездили за песней, – // Сами в этом деле мастаки»* (Елпидифор Титов. Восток: сб. стихов. – Хабаровск, 1935). Однако в советскую эпоху Большая Сибирь – собственно Сибирь и Дальний Восток, если и не жили с Москвой в литературе душа в душу, то теснейшим образом сотрудничали – Москва способствовала росту талантов на Востоке, например, устраивала совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, предоставляла свои литературные площадки для публикаций, приглашала писателей из восточной глубинки жить к себе – Василия Ажаева, например, давшего названием своего лучшего романа предельно ясный троп восточной России – *«Далеко от Москвы»*... Многие вузы если не Сибири, то уж точно Дальнего Востока (Хабаровские пединститут и политехнический, например), возникли благодаря московским и питерским профессорам, переехавшим сюда жить и работать. Немало главных редакторов сибирских и дальневосточных газет оканчивали журфак МГУ... Экономическая, а тем более политическая интеграция Запада и Востока страны не вызывала никаких сомнений...

Мысль о том, что современная российская провинция во всех отношениях отдалается от столицы, причем по вине и даже инициативе Москвы, всё первое десятилетие 2000-х гг. звучит в сибирской и дальневосточной публицистике. Громкое высказывание об экономическом и политическом произволе московской элиты по отношению к восточным окраинам, о Москве как «злой мачехе» по отношению к «младшим детям» прозвучала еще раньше, в 1998-м – в книге губернатора (сегодня – бывшего) Хабаровского края Виктора Ишаева *«Особый район России»* (Хабаровск: Книжное издательство, 1998. – 270 с.: ил.), весьма известной на территориях восточнее Урала, но проигнорированной в Москве, в немалой степени из-за того, что в ней концепт «Москва» был персонально конкретизирован, причем в виде нелицеприятных характеристик – Горбачева, который *«...всегда выходил к людям в гриме»*, а главное, будучи главой государства, – не имел никакой программы действий; трусливого интригана Хасбулатова; министров-лизоблюдов; интеллигентного теоретика, но «никакого» практика Гайдара, которого ставит в тупик простейший вопрос директора небольшого хабаровского завода; умевшего бороться, но не умевшего созидать и выполнять свои обещания Ельцина и др.¹ Рационально свои претензии 1998 года Москве В. Ишаев выражал, например, так: *«Сегодня в администрации края, во всех его подразделениях работает примерно тысяча двести человек. В федеральных структурах, расположенных на территории Хабаровского края, – более пятнадцать тысяч... Мы чувствуем и видим все попытки Москвы переподчинить себе наши лесную, рыбную, горнорудную отрасли; перенаправить в свою пользу финансовые потоки, развалить наши банки... Москва готова оставить нам только один подходящий налог. То есть налог, который сегодня по всей стране не собирается...»* А эмоционально эти упреки Москве там выражаются, например, так: *«Нынешнее чиновное барство в Москве, трусливое, отказывающееся от любой ответственности за происходящее, но в то же время высокомерное и недоступное для большинства смертных, сегодня даже не представляет, что делается на окраинах, как там живут люди...»*. Одна (предпоследняя, 14-ая) глава книги называется *«Москва теряет Россию»*. И уже тогда прозвучал страшный прогноз: *«Не очень люблю прогнозы, тем более*

¹ Хотя В. Ишаев весьма противоречив, как в собственной оценке, так и в оценке московских лидеров тех лет, наверное, в последней им всё-таки больше движет компромисс: например, на с. 164 он пишет, что его тезка Черномырдин, будучи премьером, *«механически принимал решения, которые поощряли разрывывание страны»*, а на с. 168: *«...мы (губернаторы – О.К.) в премьере не ошиблись»*.

мрачные, но я уверен, что все нынешние наши бедствия – лишь преддверие, за которым мы можем погрузиться в омут грозных проблем, связанных с национально-территориальными образованиями на территории России. И если Москва будет и впредь «крепка задним умом», если отношение ее к территориям останется потребительским, а к решению кровотокающих проблем не будут привлечены настоящие специалисты, то Кремль потеряет регионы. Вернее, Россия потеряет себя» (с. 73).

В современной, начала XXI века публицистике Сибири оппозиция «Сибирь vs Москва» нашла свое концентрированное выражение в тематическом номере журнала «Неизвестная Сибирь» (Неизвестная Сибирь, №1, январь-февраль 2009. – Новосибирск: Изд. дом «Вояж», 2008. – 192 с.). Тема номера – «Все пути ведут в Сибирь» (с легко читаемой из содержания подоплекой: а не в Москву). Уже само название издания дешифруется довольно очевидно: «Сибирь неизвестна, но не самим сибирякам, а столичным (западным) соотечественникам». Примечателен и девиз издания – «журнал о настоящем», по прочтении номера видишь оппозицию – в противовес столичному глянцу, «журналам о ложном».

В ключевом, с тематической точки зрения, материале журнала – Сергей Фуфаев, «Когда Москва станет Сибирью» – сформулированы тезисы противостояния, приобретающие форму претензий. Приведем их необходимым списком.

1. Сибиряки чувствуют неуверенность власти по отношению к развитию Сибири и реагируют самым естественным образом – уезжают: *«Процесс этот, уверен, не остановить ни национальными проектами, ни экономическими программами, ни социальными льготами».*

2. Еще Чехов заметил «перемену тренда», вектора развития России: с расширения государства на Восток, с романтики первопроходчества, «богатство России Сибирью прирастать будет», на сжимание в пределы Московского государства, на прагматику «скупого рыцаря». Но если 100 лет назад такая тенденция только намечалась, то сегодня «процесс идет вовсю»: *«Согласно официальным данным, в Москве и Московской области проживает почти столько же людей, сколько во всем Сибирском федеральном округе: 17 миллионов против 20 соответственно (с учетом Дальнего Востока и Тюменской области с округами за Уралом – около 30 миллионов) ... в начале XX века... население Сибири в два с половиной раза превышало население Московской губернии...»* (добавлю от себя: на всём Дальнем Востоке, занимающем более 40% территории самой большой в мире страны, живет 8 миллионов человек, 30% из которых – пенсионеры, еще 20% составляют дети и студенты, то есть демографическая ситуация здесь уникальная, с обычными экономическими, социальными и культуростроительными мерками к Дальнему Востоку подходить нельзя. Неужели России проще его оставить... например, Китаю? – О.К.).

3. Центр не знает и не любит своего главного кормильца и защитника. *«...Прорыв Ермака за Урал обернулся для России ее главным конкурентным преимуществом в современной глобальной экономике. Но для огромного количества жителей европейской страны Байкал – понятие гораздо более абстрактное, чем, например, Анталия или Шарм-эш-Шейх. А об острове Русском (близ Владивостока – О.К.) даже и абстрактного понятия нет».*

4. «Столичная сакральность», навязываемая самим Центром, – ложь, выгодная ему самому, но губительная для всей России. *«Москве и Петербургу (про Питер я бы так не говорил – О.К.) приписывается чудесная возможность быть теми местами, где только и можно достичь настоящего успеха в бизнесе, искусствах, науках или служебной карьере. Это, конечно же, иллюзия, но наша столицецентричная культура эту иллюзию охотно поддерживает и культивирует, всячески способствуя освобождению российской провинции от людей, которые ей больше всего нужны (последнее поддерживаю двумя руками, простой пример: из десяти знакомых мне перспективных 25—30-летних хабаровских журналиста, восемь в последние годы перебрались в Москву – О.К.)».*

Все эти, выразимся ясно: совершенно справедливые оценки, к которым обязательно нужно добавить всё то же плохое знание московскими чиновниками ситуации, экономической, политической и культурной, в регионах Сибири и Дальнего Востока², – есть и в проекциях современной, начала XXI века художественной литературы, рожденной на пространствах Сибири и Дальнего Востока. К ним добавляется еще одна, наверное, в литературных проекциях темы главная: сегодня Москва затапливается некой греховной, аморальной, безнравственной, циничной и безобразной средой, противостоять которой она, конечно, имеет и собственные ресурсы, но они малы, подавлены; без здоровой (пока еще!) провинции Москва с задачей собственного очищения не справится. Да и ладно бы затапливала этой средой саму себя, она ведь выливает ее на простодушную провинциальную Россию!..

Одним из первых дальневосточных писателей (само сегодняшнее противостояние столичной/нестоличной культуры, наверное, уже легитимизировало такого рода термины) высказался о греховном образе Москвы Вячеслав Сукачев – сегодня главный редактор литературного журнала «Дальний Восток», входящего в обойму традиционных «толстых» журналов (издается с 1933 г.). Его высказывание прозвучало в журнале «Москва» в романе «В мертвом городе» в 1997 году. Разумеется, как и каждый роман, этот организован по законам беллетристики, художественного творчества, здесь нельзя смешивать роль главного героя и автора во плоти, понятие автора-повествователя и реального автора. Но то, как последовательно точно, документально воспроизводит герой романа реальные события 1990-х годов, резко рисует очевидные провальные вещи в социальной, политической и экономической жизни России 1990-х годов, с одной стороны, с другой стороны – публицистический градус внутренних монологов героя-повествователя, ну а главное, возможность экстралингвистической и экстралитературной верификации, то есть наша возможность сравнить высказывания героя романа и высказывания самого В. В. Сукачева, множественные, письменные и устные, убеждают в том, что именно в мировоззренческих, культурологических, прямо-оценочных отступлениях мы слышим голос самого автора, то есть это авторские отступления в прямом смысле слова. А в них рефреном звучит: *«Я любил этот город, но он скрылся за туманом греха...»*, в этом городе *«Взрываются троллейбусы, как семечки из перезревшего подсолнуха, сыпятся с балконов старики <...> рушатся или проваливаются под землю многоэтажные дома. Земля вперемежку с прахом усопших встает на дыбы на кладбищах, людей, как цыплят душат повсюду – в собственной спальне, в подъезде, и лифте: днем и ночью, летом и зимой...»*. Но – нетрудно заметить, что это банальный и общеизвестный образ Москвы 1990-х годов, одновременно терзающей и терзаемой бездушной и беспомощной властью, с одной стороны, и «бандитами» и «банкирами» – с другой. Нарушение правила кодекса речевого поведения «Не будь банальным» автор видит сам и устами своего героя проговаривается на эту тему так: *«Я понимаю, что это – общие места, банальная тавтология, изжога демократии, но мне-то, конкретному человеку, от этого не легче...»*

Более чем через десять лет после опубликования этого романа высказывания на тему «grimас Москвы» писателя Сукачева уже на посту главного редактора «толстого» журнала звучат уже совершенно в русле сегодняшней, 2000-х годов, актуализации. Наиболее четко сформулированными – в колонке главного редактора юбилейного, в год 70-летия издания, пятого за 2003 год номера «Дальнего Востока».

«...Что касается провинциальных литературных журналов, к коим относится и наш сегодняшний юбиляр, на них с высот современных литературных олимпов просто-напросто

² В правительстве сегодня на ключевых постах сибиряков и дальневосточников нет, специалистов по Сибири и Дальнему Востоку нет, а редкие поездки президента, премьера, министров на восток страны на день, на два – не в счет, это чистой воды пиар: тот же В. Ишаев, бывший директор завода, став губернатором, по его собственному признанию, досконально разобрался в делах Хабаровского края через полтора-два года!

наплевали. Дорогие наши „радетели“ (союзы писателей, литфонды, Министерство культуры РФ, Фонд российской культуры и т.д.), плотно и неизбежно укрывшись за Садовым кольцом, дальше этого кольца (как и своего собственного носа) ничего не видят, и видеть не хотят. Поп-идолы современной литературы, благополучно мимикрировав из певцов социализма в „буревестников“ демократических преобразований, словно пушкинский кот ученый ходят по одному и тому же кругу литературных конкурсов и премий, создав пародийный образ номинированного литидиота. Холуйская философия этих литидолов буквально пронизала околослитературное московское общество, размыв остальные понятия о совести и чести „инженеров человеческих душ“. В этом плане переплюнули наших московских литчиновников разве что только „говорящие головы“ телевизионных каналов».

Как видно, здесь четко сформулированы не только и не столько характеристики «пошлой» московской среды, сколько персонифицированный образ носителей «греха Москвы» – это власть (чиновники), укрывшаяся за «стеной Садового кольца», и «ренегаты из стана настоящих писателей» – литературная «премиальная» и околослитературная (богемная) тусовка. И надо ли говорить о том, что столь четкие и откровенные постулаты формируют идеологию прямых авторских высказываний и оценок и отбор произведений с такими высказываниями и оценками. Причем не только в публицистике, но и в беллетристике «толстого» литературного журнала. Но! Это не столько высказывание-пропаганда, сколько персонально сформулированное «общее мнение», ибо подобный *modus* публицистических и художественных *vivendi* и *operandi* всё активней обживается и на этой дальневосточной литературной площадке, и на многих других, например, в литжурналах «Сибирские огни» (Новосибирск) и «Байкал» (Улан-Уде), в альманахе «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), в «толстой» литгазете «Литературный меридиан» (Арсеньев) и т. д.

У нас нет ни места, ни необходимости для того, чтобы брать длинный ряд примеров реализаций собственно авторских голосов в художественной прозе о глубоком разрыве между сегодняшними Москвой и сибирско-дальневосточной провинцией и дотошно эти примеры анализировать, возьмем лишь три, но характеризующих явление, на наш взгляд, достаточно и разносторонне.

Один из наиболее ярких, двурядно- и более символических образов сегодняшней Москвы в современной сибирско-дальневосточной прозе: Москва – вульгарная, истеричная, беспринципная и хамоватая женщина. Это псевдоаристократка, тщательно скрывающая свое плебейское происхождение, гиперсексуалка и шмоточница, поверхностно образованная менторша, свысока или исподлюбя взирающая на всё, что шире ее узкого мировоззренческого круга и ее «московского топоса». Примечательно, что репрезентации такого «образа Москвы» находим прежде всего у дальневосточных *женщин*-прозаиков: например, в прозе 2000-х гг. Александры Николашиной – Хабаровск, или Марины Красуля – Владивосток, и у других. Наверное, наиболее репрезентативным примером будет рассказ Марины Красуля «Ягоды» (альманах «Сихотэ-Алинь-2007»: Изд-во Морского гос. ун-та им. Г. И. Невельского, 2007. – С. 25—30; а также Красуля М. Брызги: сборник рассказов. – Владивосток: Изд-во Светланы Кунгуровой, 2008. – С. 117—123.).

Сюжет таков: две женщины, коим под... ну, в общем, «ягодки опять», дружившие в юности и росшие в одном далеком от Москвы городе, встречаются, не видевшись лет 20, в этом самом провинциальном, на берегу далекого моря городе, где одна из них – Вика, теперь столичный житель, решает провести отпуск. Вика сразу обрушивает на подругу юности Алину целый каскад высказываний и поступков, исходящих из парадигмы «нового мышления» и «кодекса современного поведения», подчеркивая их московскую эксклюзивность: она приехала не одна, а с молодым человеком, который только «для дамского здоровья», издевается над простодушными попытками живописи, висящими у Алины в комнатах: «*Что это за дерьмо у тебя развешено?*», – характеризует как убогого Алининого мужа, проявившего чудовищно старомодное

гостеприимство и такт: *«Бедняга, сколько лет Альку-сучку терпит. Не святой, а великомученик. Ха-ха-ха! Шутка! Рыжов! Наливай!»*. Первый вечер кончается грандиозной попойкой гостей, наутро Вика разгуливает по Алининым комнатам злая и голая...

В героине-повествовательнице борются два начала: попытка понимания и жалость, с одной стороны, с другой – осознание того, что грязь проникла в подругу юности на молекулярном уровне, изменить ничего нельзя. *«Алинке вдруг сделалось жалко Вичку... Кризис среднего возраста. Бравада эта – от одиночества, веселье, как предсмертная агония, – от безысходности, да и агрессия – просто страх перед увяданием...»* Но побеждает второе. «Подруга» уезжает, откровенно высказавшись о цели визита: *«Ну, прощайте! Классно отдохнули. Море, солнце...»* Героиня совершает обряд омовения от скверны: *«Ни разу в жизни Малина не мыла полы с таким остервенением. Грязь она ощущала физически. Терла щеткой с мылом, приговаривая: «Гость как в горле кость...»... Потом метнулась в ванную, мочалилась до одурения...»*

Тремя методами «вынимаем» из «беспристрастного условия» жанра беллетристики страсть, голос самого реального автора. Это не единственный персонифицированный негативный образ Москвы в рассказах Марины Красуля, он рефреном звучит в других рассказах: в образе похотливого режиссера, допускающего простодушных провинциальных актрис на московскую сцену только «через постель» – рассказ «Мякина», даже мимолетно увиденный, но с четкой характеристикой попутчик по авиаперелету одной из героинь *«столичный режиссер, похожий на бесформенную скользкую медузу, и подружка-актриса при нем. Не эсэ-щина – плесневелая корка хлеба»* из рассказа «Фламенко» и т. п. Второй метод назовем лингвистическим: это полностью находящиеся в руках автора речевые характеристики персонажей: маты и алогичность, агрессивность и хамство Вики из «Ягод», например. Это прилагательные и метафоры при беспристрастных денотатах, страсть автора всё же выдающие. Героиня рассказа «Ягоды» еще в аэропорту увидела свою визави всё же именно глазами Марины Красуля: *«...Короткие узкие шорты подчеркивали аппетитные, слегка перезрелые формы. Прозрачный топ обтягивал пышную грудь, соски, как два кукиша всему белому свету, торчали с вызовом...»* (выделено мной – О.К.). Третий метод – уже упомянутая верификация словами автора, вышедшего из хронотопа своего произведения. Из переписки автора этих строк с Мариной Красуля: *«Эти рассказы на 90 процентов автобиографичны»*. Героини рассказов Марины Красуля носят разные имена, но за ними стоит даже не образ автора, а именно реальный автор, настолько четко прослеживается его кредо: *«Да, у меня были тщеславные попытки проникнуть в Москву, но хорошо, что этого не получилось: пока я ценю человеческое и хочу сохранить в себе человеческое, ни в какую Москву не уеду»*.

Среди нашего материала есть пример подобного кредо и довольно специфичный – повесть Владимира Тыцких «Канайка», выдержанная в рискованном смешении жанра беллетристики с жанрами мемуаристики, публицистики, документалистики и даже поэтической антологии (Тыцких В. М. Канайка: повесть. – Владивосток: Изд-во МГУ им. Г. И. Невельского, 2006. – 234 с.). Один из главных мотивов повести – тот же вопрос о «греховности» Москвы, ярко видной перед лицом всё еще борющейся с пошлостью и бездуховностью провинции.

Вообще-то «Канайкой» назывался дом для умалишенных близ Усть-Каменогорска (историческая Сибирь, теперь это суверенный Казахстан, что является одной из тем горьких рефлексий собственно автора), где Владимир Тыцких начинал свою трудовую биографию как медбрат. Беллетризованное воспоминание об этом, теперь уже флотского офицера, сотрудника Морского университета и одного из самых плодовитых и известных дальневосточных писателей составляет стержень повести. Но там есть и описания афганских событий, рассказ о помощи российской армии умирающему Таджикистану в 1990-х, рассказы и рассуждения о Тихоокеанском флоте, погранзаставах Приморья и Приамурья, о горьких взаимоотношениях столицы и провинции. Они как бы *объективно* горькие, с точки зрения автора-внутри-произведения, пытающегося здесь быть объективным, беспристрастным, но нам именно это в данном слу-

чае интересно. Здесь реальный автор не позволяет себе откровенных препарирований «гнильников» Москвы, даже через образ повествователя, он поручает это одной из своих героинь – позже скажем об этом, по той очевидной причине, что главный герой этой повести даже не сам автор в роли персонажа своих же воспоминаний, а совершенно реальное лицо – мужественный русский офицер Виктор Верстаков, прошедший Афганистан, службу в «глухих» и «горячих» точках, сегодня – **московский** поэт, по нескрываемому мнению автора – образец для подражания. Виктор Верстаков, как и положено в беллетристике, – образ всё же несколько идеализированный. Из письма В. Верстакова В. Тыцких от 20.05.2006: «...*Кокетничать насчет „перебора про лично меня“ не буду, понимаю, что это дело технически-литературное: если бы в реальности не было меня (со стихами) тебе (то есть повести) всё равно бы понадобился некий похожий сквозной персонаж...*».

Итак, произнести приговор «осодомившейся» (хотя не полностью) Москве здесь автор перепоручает одной из героинь – точнее персонажу, имеющему одноименный прототип в реальности, подруге юности (по «Канайке»), врачу Людмиле Беловой. В главе «Двенадцатое отделение» Владимир Тыцких (из повести) и Людка Белова (тоже из повести) встречаются в Москве и между ними происходит такой диалог:

«– *Слава Богу, ты возвратилась. Не ожидал, что ты в России, и, честное слово, рад за тебя.*

– *Спасибо на добром слове. Только Россия там, где живет народ. А тут живут москвичи.*

– *Что ж за звери такие особые?*

– *Волки. Есть и другие животные. Большинство, извини, баранье. Волков, волчар настоящих сравнительно немного, но всё от них идет.*

– *Ну не загибай, Москва большая, москвичи разные. У меня здесь друзья такие...*

Вспомнил Верстакова, Черкашина... Сашу Орлова... Многих и многих. На самом деле, загнула барышня, неприятно даже...».

Понятно, что такая абсолютность в высказывании о Москве, такой «вульгарнейше» - социологический подход, такие резкие оценки из уст собственно автора, по определению лица мудрого, прозвучать не могли, тем более в произведении многоплановом, сложном, с многомерным оценочным планом. Но персонажу можно, и Людка Белова продолжает «вразумлять» простодушного провинциала и доказывать тотальную продажность и абсолютную безнравственность Москвы, – от элиты до плебса: «*Сверху донизу, я тебя уверяю, сверху донизу. И это всё – Москва. Тут придумывают, тут начинают... Ужасно, противно и очень опасно для жизни*».

Здесь в поисках искренности автора, тождественности вектора, исходящего из концентрированной сути произведения, мировоззренческому вектору автора вне своего произведения нам не поможет ни один из методов, кроме прямых вопросов автору как личности, и мы их задали – опять же в частной переписке (март 2009).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.